

Кокоева Алла Александровна,
ст. преп. кафедры гражданского права,
Юго-Осетинский государственный
университет им. А.А.Тибилова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИИ И ФОРМЫ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье поднимается вопрос о том, что происходит с современным государством под давлением глобализационных процессов. Автор сознательно уходит от привычной схемы «ослабление – усиление» и предлагает смотреть на перемены сразу в двух плоскостях: что государство делает (функция) и как оно организовано (форма). Проведённый разбор показывает, что глобализация не «отменяет» национальное государство, а заставляет его перестраиваться – из универсального контролёра оно превращается в стратегического координатора. В работе разобраны три механизма такой перестройки: перераспределение властных ресурсов между государством и транснациональными игроками, цифровизация управления и появление «цифрового суверенитета», а также смена логики вмешательства с тотальной на избирательную. Итоговый вывод – складывается модель «управляемой открытости»: государство остаётся в глобальных процессах, но держит под контролем ключевые узлы.

Ключевые слова: Глобализация; трансформация государства; суверенитет; цифровое управление; стратегический координатор; управляемая открытость.

Введение

Спор о том, что глобализация делает с национальным государством, идёт уже не первое десятилетие и, казалось бы, успел наскучить. В 1990-е годы верх взяла простая мысль: потоки капитала, информации и людей размывают территориальную основу власти, а значит, государство уходит, уступая рынку. Политика будто бы подчиняется экономике, а границы теряют значение.

Однако реальность начала XXI века эту картину сломала. Кризис 2008 года, пандемия, резкое обострение геополитического соперничества и взрывное развитие цифровых технологий показали обратное: государство не исчезло, а вернулось – правда, в новом облике. Оно снова оказалось тем, кто тушит кризисы, регулирует технологии и организует совместные действия. Причём возвращение это произошло не только в странах с сильной этатистской традицией, но и там, где ещё недавно вера в саморегулирующийся рынок была почти безусловной.

Любопытно, что сам академический спор тоже сместился. Если раньше исследователи искали доказательства «ухода» государства, то теперь всё чаще говорят о его «пересборке» – о том, что меняется не присутствие государства, а способы его присутствия. Отсюда и задача статьи: не спорить о том, «слабеет» государство или «крепнет», а понять, как именно меняются его функции и форма. Основной тезис таков: глобализация запускает переход от модели всеобъемлющего контролёра к модели стратегического координатора. Этот переход касается и содержания государственной работы, и её организационного воплощения.

Основная часть

Самое заметное следствие глобализации – резкое расширение круга тех, кто участвует в принятии значимых решений. Международные организации, транснациональные корпорации, негосударственные объединения, а порой и отдельные «глобальные города» берут на себя то, что исторически делало государство. Международный валютный фонд и

Всемирная торговая организация располагают рычагами влияния на экономическую политику, которые у малых и средних стран сопоставимы с собственными возможностями, а иногда и превышают их [6].

Это не значит, что государство лишилось власти. Скорее власть рассредоточилась: государство перестало быть единственным центром решений и вынуждено играть в поле, где игроков много. Из «единственного распорядителя» оно превращается в «ключевого посредника». Важно подчеркнуть, что такое посредничество – не пассивная роль. Оно требует навыка договариваться, выстраивать коалиции и удерживать баланс интересов, то есть тех умений, которые плохо вписываются в классическую бюрократическую модель.

Второй ограничитель – интеграционные процессы. Европейский союз даёт самый развитый пример передачи части полномочий на наднациональный уровень: торговля, конкуренция, денежная политика, защита внешних границ. Но эта передача не безусловна и не необратима [7].

Брексит показал, где проходит политический предел интеграции: как только сотрудничество начинает восприниматься как угроза идентичности и культурной самостоятельности, возникает запрос на возврат полномочий. Отсюда важный вывод: трансформация государства — процесс не односторонний, а колебательный, в котором открытость и защита постоянно уравнивают друг друга. Причём эти колебания не обязательно ведут к откату назад: чаще они меняют сам характер интеграции, делая её более избирательной и менее автоматической.

Самый глубокий вызов идёт от цифровых технологий. Транснациональные платформы управляют коммуникацией, информацией и сделками миллиардов людей, фактически выполняя функции, которые раньше ассоциировались с публичной властью. Правила модерации, алгоритмы выдачи и стандарты обработки данных становятся инструментами регулирования общества – но находятся в частных руках [9].

В итоге государство утрачивает монополию на организацию порядка. Ему приходится действовать там, где значительная часть координации идёт не через закон и административное решение, а через алгоритм и код. Особенность этого вызова в том, что он не сводится к «потере контроля» – он ставит под вопрос саму привычную иерархию, в которой закон стоит выше частного правила. Теперь частное правило нередко оказывается быстрее и действеннее публичного.

Ответ государства на цифровой вызов – превратить технологии из объекта регулирования в собственный рабочий инструмент. Сначала появились порталы госуслуг, затем в процесс принятия решений вошли аналитические системы [4].

Показателен российский опыт. Портал «Госуслуги» к концу 2025 года обслуживал около 1,2 млн пользователей и давал доступ более чем к 2600 федеральным и региональным сервисам [5]. Но важнее другое: системы искусственного интеллекта начинают применяться для мониторинга национальных проектов – они разбирают весь массив показателей, ловят риски с точностью до 96% и обрабатывают свыше тысячи взаимосвязанных факторов [5].

Это качественный сдвиг: государство наращивает информационные и аналитические способности. Цифровизация его не ослабляет, а расширяет его возможности собирать данные, оценивать обстановку и оптимизировать решения [4]. При этом меняется и сама логика управления: решения всё чаще принимаются не по итогам отчётности, а в режиме постоянного наблюдения за процессами.

Расширение цифрового управления закономерно рождает стремление к цифровому суверенитету – способности государства задавать правила в области данных, технологий и платформ. На практике это означает локализацию данных, замещение критических технологий своими и регулирование трансграничных потоков информации [2].

Российский опыт и здесь показателен: к концу 2025 года зарегистрировано 29 тысяч отечественных программных решений, а доля отечественного ПО в ключевых информационных системах должна достичь 80% [5]. Логика ясна: потеря контроля над цифровой инфраструктурой равносильна потере части управленческого потенциала. Цифровой суверенитет – не отказ от глобализации, а стратегическое удержание контроля над критическими узлами [2]. Существенно, что такая политика не обязательно ведёт к изоляции: она допускает участие в глобальных технологических цепочках, но на условиях, которые государство считает для себя приемлемыми.

Высшая ступень цифровой трансформации – превращение самого государства в платформу. Идея «государство как платформа» означает, что власть перестаёт быть единственным производителем услуг и становится поставщиком инфраструктуры, внутри которой граждане, бизнес и общественные организации действуют сами [9].

Это меняет саму природу государственной работы: от «команда – контроль» к «координация – наделение полномочиями». Государство перестаёт делать всё само и начинает создавать условия, при которых задачи решают другие. Обратная сторона такой модели – вопрос ответственности: если услугу фактически оказывает не государство, а партнёр платформы, то кто отвечает за сбой, и кто защищает права пользователя? Этот вопрос пока не имеет универсального ответа и остаётся одной из болевых точек цифровой трансформации.

Главная черта перемен – смена логики вмешательства. В классической модели государство стремилось держать под прямым контролем широкий круг сфер: экономику, социальную поддержку, информацию, услуги. В условиях глобализации такая тотальность становится дорогой и малоэффективной – капитал, информация и люди слишком подвижны [1].

Отсюда переход к избирательному вмешательству. Государство собирает ресурсы на стратегических направлениях: финансовое регулирование, безопасность данных, критические технологии, стратегические отрасли, охрана границ. В остальном оно всё чаще опирается на рынок, самоорганизацию и международную координацию. Принцип «управлять главным, не управляя всем» позволяет удерживать контроль при ограниченных ресурсах [1]. Но у этого принципа есть цена: граница между «главным» и «остальным» подвижна, и её определение превращается в предмет постоянной политической борьбы.

Меняется и практика суверенитета. Понятие гибкого суверенитета описывает умение государства варьировать степень и формы своих полномочий в зависимости от ситуации: принимать обязательные международные правила, делиться отдельными инструментами в рамках объединений, временно расширять вмешательство в кризисе и сокращать его после стабилизации [2].

Это не ослабление суверенитета, а его усложнение. Государство сохраняет за собой право выбирать между уступкой, разделением и удержанием полномочий. Именно способность к осознанному стратегическому выбору и отличает современное государство от классического [2]. Добавим, что гибкость требует развитой институциональной памяти: без неё временные уступки легко превращаются в постоянные, а кризисные расширения полномочий – в необратимые.

Меняется и понимание того, что такое сильное государство. Раньше его мерили умением принуждать, собирать налоги и оказывать услуги. Сегодня к этим измерениям добавляются новые: способность координировать множество субъектов, адаптироваться к быстрым изменениям, обрабатывать информацию и формировать правила на международной арене [3].

Общая черта этих новых способностей – они не требуют прямого контроля над обществом. Они требуют умения быть узловым центром в сложной системе. Это ещё раз подтверждает характеристику государства как стратегического координатора [3].

Существенно и то, что такие способности плохо поддаются количественному измерению: их сложнее оценить, чем численность армии или размер бюджета, а значит, и политическая дискуссия о «силе государства» неизбежно усложняется.

Заключение

Проведённый разбор позволяет сформулировать несколько выводов.

Во-первых, глобализация не ведёт к исчезновению национального государства. Она меняет способы, которыми государство выполняет свои функции. Если понимать под государством историческую форму территориального контроля и бюрократического управления, она действительно перестраивается [1]. Если же видеть в нём механизм организации совместных действий и поддержания порядка, он не исчезает, а обретает новую конфигурацию [3].

Во-вторых, логику перестройки можно выразить коротко: от контроля к координации, от всеобъемлемости к избирательности, от закрытости к гибкости. Государство перестаёт быть универсальным организатором общественной жизни и становится поставщиком и хранителем стратегических платформ [9].

В-третьих, перестройка внутренне противоречива. Гибкий суверенитет может обернуться его размыванием, избирательное вмешательство – закреплением привилегий, платформизация – усилением цифрового неравенства и непрозрачности алгоритмов [2; 9]. Успех зависит от качества институтов, политической воли и механизмов общественного контроля.

Наконец, стоит признать, что предложенная рамка «функция – форма» не претендует на исчерпывающее объяснение. Она лишь помогает увидеть связь между тем, что государство делает, и тем, как оно устроено. Дальнейшее исследование могло бы уточнить, как эта связь работает в разных типах политических систем и на разных уровнях – от национального до локального.

Главный вывод: глобализация не «отменяет» государство, а ставит перед ним новые задачи, требующие новых форм. Понять этот процесс в рамках дихотомии «ослабление – усиление» невозможно. Нужна более тонкая аналитика, учитывающая множественность логик и противоречивость последствий государственной трансформации.

Список литературы:

1. Барановский В. Г., Кувалдин В. Б. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? // Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 8–20.
2. Сургуладзе В. Ш. Эволюция восприятия и интерпретаций суверенитета в условиях деглобализации и формирования полицентричного мирового порядка // Власть. 2025. Т. 33. № 1. С. 129–140.
3. Сампиев И. М. Трансформация государства и общества в условиях глобализации и становления многополярности // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 1. С. 110–123.
4. Гетман Ю. В. Эволюция функций государства в эпоху цифровизации // Материалы конференции «Ломоносов-2025».
5. Цифровая трансформация государства: итоги нацпроекта «Экономика данных» // Национальные проекты РФ. 2026.
6. Kobrin S. J. The Architecture of Globalization: State Sovereignty in a Networked Global Economy. Oxford University Press, 1999.
7. Juc V. Reconceptualizarea locului statului național în contextul proceselor de globalizare // Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice. 2019. Nr. 2(180). P. 7–28.
8. Шаров О. М. Економічна глобалізація та функції держави // Економіка України. 2021. № 7. С. 45–60.

9. Платформа как государство и государство как платформа: публично-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2026.

